

УДК 811.161.1:811.512.156'37
DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.136

ТЕМА РОДСТВА В РУССКИХ И ТУВИНСКИХ ПАРЕМИЯХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Ж. В. Марфина, О. В. Шкуран

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск

Паремиологический фонд любого языка отображает систему ценностей народа. В данной статье сопоставлены национально-культурные особенности русских и тувинских паремий с компонентами, называющими членов семьи; в синхронном срезе проанализированы номинанты родства как хранителя сакральной культурной информации в русском и тувинском языках. Выявлена идентичность взглядов на иерархию системы родства, а наличие безэквивалентных паремий иллюстрирует этноспецифические особенности семейных традиций тувинцев и русских.

Ключевые слова: лингвокультурология; паремия; языковой образ; кровное и супружеское родство; тувинский язык; тувинский фольклор; русский язык.

Система родства является неотъемлемой частью народной ментальности и языкового образа народа. В ней отражены культурные традиции, социальная структура общества, биологические особенности, репродуктивные функции, брачная политика и т.д. В современных языках происходит процесс упрощения в номинации родственных связей: *шурин*, *золовка*, *свояченица* в современном русском языке называют *брат жены*, *сестра мужа*, *сестра жены*. Социальные изменения в иерархии родственных связей, независимость детей от родителей, отдельное проживание молодоженов, сужение семьи привело к языковым изменениям в номинации терминов родства. Значительный пласт традиционных семейных ценностей сохранился в паремиологическом фонде языков, что дает возможность в ходе историко-культурного развития установить языковые расхождения в номинантах брачно-семейных отношений русского языка, входящего в восточнославянскую группу, и тувинского, входящего в тюркскую группу алтайской семьи.

Предметом исследования стали русские и тувинские паремии с компонентами, называющими членов семьи, отобранные методом фронтальной выборки из сборников паремий (Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. В. М. Мокиенко [11] – русские паремии; Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. [17]; Пословицы и поговор-

© Марфина Ж. В., Шкуран О. В., 2022

ки тувинского народа / авт.-сост. Б.К. Будуп – тувинские паремии). Они являются медиаторами человеческого поведения и представляют собой суждения, выражающие мировидение народа. Именно в семье закладываются ценности и идеалы, формируются обычаи и традиции, обуславливающие социализацию языковой личности определенного этноса.

Цель нашего исследования – сопоставить национально-культурные особенности русских и тувинских паремий; в синхронном срезе проанализировать номинанты родства как хранителя сакральной культурной информации в русском и тувинском языках.

Для исследования использованы историко-этимологический, описательно-аналитический методы, лингвокультурологический анализ языковых явлений.

На страницах книги «Системы родства и свойства человеческой семьи» Льюис Г. Морган впервые представляет описательную (“descriptive”) и классификационную (“classificatory”) формы системы родства. Первая, свойственная арийской, семитической и уральской языковым семьям, отвергает классификацию по группам и описывает боковых родственников по большей части путем приращения (“augmentation”) или соединения (“combination”) первичных терминов родства (“primary terms of relationship”), т.е. установленные лексемы служат для обозначения родственников жены и мужа (*мать, отец, брат, сестра, сын, дочь, дедушка, бабушка*), употребляясь с идентичным смыслом и значением. Вторая группа, свойственная туранской, американской, индийской и малайской языковым семьям, объединяет родственников в большие классы посредством условных приемов (“arbitrary”, “generalizations”) и смешивает отношения без учета природного смысла [1] Такая попытка ученого впервые сформулировала формы родственных отношений и дала возможность в дальнейшем продуцировать новые подходы к изучению системы родства.

В славянских странах со второй половины XI века правила родственных отношений регулировала «Кормчая книга», которая являлась сборником церковных и светских законов. Некоторые статьи позже были включены в Свод законов Российской империи. Последнее издание «Кормчей книги» 1816 г. было преобразовано в Книгу правил, которая издавалась вплоть до XX в. Святости брачного союза, кровному и духовному родству отводилось особое место – все правила толковались через тексты Ветхого и Нового Завета, напр.: *Родителям не должно оставлять своих детей под предлогом отшельничества*. Гангр. 15. *Родство по духу важнее союза по телу* [6].

Позже богатый этимологический и этнографический материал системы русского родства был собран в словарях XIX–XX вв. В.И. Даля, О.Н. Трубачева, Г. Дьяченко и др. В результате популяционно-генетических экспедиций в конце XX – начале XXI века с целью сохранения

старой системы родства народов России были опубликованы научные работы А. А. Бурькина, Н. В. Джавахадзе, Б. Н. Казаченко, А. А. Магометова, В. А. Попова, Ю. Б. Симченко, А. Е. Шинкуба и др. Тематике родства посвящены исследования Н. В. Багичева, Н. А. Бутинова, К. И. Вавра, Н. М. Гиренко, А. В. Зарецкого, М. В. Коюкова, Т. П. Ломтева, А. И. Моисеева и др. Антропологические исследования тувинцев были освещены в трудах В. П. Алексеева, Т. И. Алексеевой, В. А. Бацевича, В. И. Богдановой, В. В. Бунака, Н. И. Клевцовой, М. Г. Левина, Н. И. Халдеевой, Т. А. Чикишевой, А. И. Ярхо и др. Большинство авторов относят тувинцев к центральноазиатскому антропологическому типу сибирских монголоидов [9], которые вместе с русскими относятся к одной описательной группе семейства.

Старорусская система представлена кровным, супружеским и духовным родством, которые синтезируют традиции русского народа с богатой и разнообразной традиционной информацией о терминах-номиналах прямой и боковой мужской и женской линии, о разнородном родстве (*крестный отец и мать, крестные дети, кума, кум* и др.). По мнению Б. Н. Казаченко, «к русскому родству относится любая близость между людьми, возникающая в результате общности их происхождения, пребывания или проживания, принадлежности к общему делу, вероисповеданию, Духу или вообще имеющих непосредственное в чем-либо, например, взглядах на жизнь» [5, с. 7].

Система родства, по словам Е. В. Добровольской, представляет собой «информативное поле, позволяющее восстановить историю развития брачно-семейных отношений и, следовательно, феномена «семья» в каждом отдельном лингвокультурологическом пространстве, продемонстрировать исторически обусловленный характер семейных форм» [3, с. 24].

Одним из источников системы родства, безусловно, является паремиологический фонд языка. На высокую культурную информативность паремий с позиций лингвокультурологии обращают внимание Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Воркачев, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, М. Л. Ковшова, Г. Н. Курбатский, О. В. Ломакина, Л. Б. Савенкова, О. Н. Селиверстова, Н. Н. Семенов и др. В одном из определений паремии номинируются как «вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркёрами ситуаций или отношений между реалиями». Наиболее значимыми классификационными интерпретациями паремиологического фонда русского языка, по мнению Л. Б. Савенковой, являются «морально-нравственный, утилитарно-практический, бытийный блоки ценностей» [15, с. 3–4]. Количественное преобладание пословиц и поговорок, в которых представлены семейные ценности, свидетельствует об их приоритетности в языковой картине мира определенного народа.

Сопоставительный анализ терминов родства и свойства в паремиях русского и тувинского языков помогут определить этнические сходства и различия в представлениях о родстве, складывавшихся на протяжении веков.

Для семейно-брачных отношений русских и тувинцев была характерна патернитетность (статус мужчин был выше статуса женщин). Главой семьи считался муж и брак был вирилокальным (от лат. *viri* – муж) – жена переходила в семью мужа, при обратной ситуации брак назывался уксорилокальным (от лат. *uksori* – жена). Семья для русского и тувинца всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка [11; 10]: *Семья вместе – и сердце на месте, душа в горсти; Куш уялыг, кижичурттуг – У птицы – гнездо, у человека – семья.*

В семантическом поле традиционная система родственных отношений в русском языке имеет иерархический характер по старшинству и выполняет разнообразную стилистическую нагрузку: *отец – муж, мужчина, мужик, папа, батя, тятя, батько, боярин, супругник, сам; жена – женщина, мать, супруга, баба, большуха, сама, матка, дама, мисс, мадемуазель, дети – дочь, дева, дивчина, девица, девушка, барышня; сын, детина, малец, юноша, хлопец, парень, парубок* и др. В тувинской системе родства (*отец, родной отец, приемный отец, отец старейшина*), *мать, ребенок, сын (старший, средний, младший), дочь, брат (старший, младший), сестра (старшая, младшая), невестка, зять, внук (сын сына или сын дочери), внучка (дочь сына или дочь дочери)* сохраняется иерархия с гендерной асимметрией в зависимости от принадлежности к роду мужа или жены, близости, дальности, отдаленности номинантов семейно-брачных отношений [7, с. 154–155]. Муж и жена, не являясь кровными родственниками, образуют брачный союз, который определяет успешную жизнедеятельность всего рода, а в устном народном творчестве тувинцев лексема *народ* отождествляется с *племенем, родом, родственниками, ровесниками* [8, с. 188].

Человек при достижении брачного возраста не вызывал беспокойства лишь при наличии собственной семьи. Он являлся членом родового сообщества, носителем его ценностных установок, традиций: *Обычай сильнее закона; Обычай – не клетка – не переставить; Ужур-дурумден эртип болбас – Нельзя переступить традиции и обычаи; Ужур куштуг – Обычай сильнее.*

Термины кровного (таблица 1), супружеского (таблица 2) родства русского и тувинского этносов иллюстрируют похожие смыслы и значения, традиционные обязанности и права, но становятся различными при номинации родственников и по прямой, и по боковой мужской и женской линии: *сын, брат, сестра, внук, дядя* и др.

Таблица 1. Термины кровного родства

Русский термин	Тувинский термин
Дедушка, дедушки	Кырган-ача, ирей
Бабушка	Кырган-ава
Отец, папа, родители	Ада, ача, ада
Родной отец	Төрээн адазы
Родная мать	Төрээн нези, ава
Мама, мамы	Ава, авай
Дочь	Кыс, уруг
Сын	Оол, оглу
Старший сын	Улуг оглу
Сестра, сестры	Угба, кыс дунма
Старшая сестра	Угбазы
Младшая сестра	Кыс дунмазы
Родные сестры	Кады төрээн угбашкылар
Брат, братья	Акы, оол дунма
Старший брат	Акызы
Родные братья	Кады төрээн алышкылар
Дети	Бичии уруглар, уруглар, ажы-төл
Племянник	Чээн, дунма
Племянница	Чээн, дунма
Двоюродный брат	Кады төрүвээн акызы
Двоюродная сестра	Кады төрүвээн угбазы, кыс дунбазы
Внук (сын сына)	Оглунуң оглу
Внук (сын дочери)	Уруунуң оглу
Внучка (дочь сына)	Оглунуң уруу
Внучка (дочь дочери)	Уруунуң уруу
Дядя (брат отца)	Акызы
Дядя (брат матери)	Даайы
Тетя	Даай ава, угба
Родственники отца	Адазының төрели

Таблица 2. Термины супружеского родства

Русский термин	Тувинский термин
Муж, супруг	Ашак
Жена, супруга	Кадай
Молодая жена	Кадай аныяк
Замужняя женщина	Өглуг херээжен кижии
Пожилая женщина	Улгады берген херээжен кижии
Родные	Кады төрөн
Зять	Кудээ, честе
Невестка	Душтук

Семейная обрядность связана с отражением важнейших этапов в жизни человека: рождение, замужество / женитьба, смерть. Русская поговорка говорит: *Трижды человек дивен бывает: когда рождается, женится и умирает* [2, с. 447]. У тувинцев также рождение, женитьба/замужество и смерть являются сакральными этапами жизни, брак считался обязательным для каждого человека, поэтому презрение к старым девам и старым холостякам выражено в экспрессивных смыслах пословиц *Как косуля без лежбища, как рыба без заводи, Бот кижинин хырны улуг, Бода малдын чыдыны улуг – Холостому нужно много еды, Крупному скоту – много места; Бот кижээ хырын херек, Бода малга чыдын херек – Холостому человеку главное – еда, Крупному скоту – лежбище* и др.

Русская и тувинская культуры, сформированные тысячелетней историей, имеют собственный консервативно-динамичный взгляд на традиционное сообщество близких по супружеству, крови или по духу людей, объединенных общими экономическими отношениями и способными к продолжению семьи, семейства, рода, поскольку многочисленному сообществу приписывалась великая сила (*Вся семья вместе – так и душа на месте; Русский человек без родни не живет; Мир испокон веков держится родством и соборностью; Семейный горшок всегда кипит* и др.).

Среди тувинских паремий с компонентами-терминами родства, собранных из лексикографических источников, можно представить следующие блоки характеристик/дихотомий:

1. *Семья/родня* как важнейшая жизненная форма существования человека: *Ац турээнде дээр, Кижини турээнде төрелим дээр – Зверь в беде к тайге мчится, Человек в беде к родне тянется; Шын сөске чон ынак, Шык черге унуш ынак – Народ любит правду, Растение любит влагу; Кижини баксыраанда, Төрелин тыртар – Когда человеку плохо, Он примыкает к родне; Төрел багын кирил билир – Хочешь узнать родню – заходи; Ужар кушта чилиг чок, Улчумакта уя чок (кезимелчи, тоянчы кижини) – У перелетной птицы нет гнезда, У бродячего человека дома; Чаңгыс кезек от болбас, Чаңгыс кижини кижини болбас – Одно полено не костер, Один человек – не народ; Аът багын мунуп билир, Төрел багын кириши билир – Хочешь узнать, хорош ли конь – объезжай, Хочешь узнать, какова родня – заезжай; Улустуң улуу чагыглыг, Уругнуң хеймери чассыг – В семье мудр старший, А ласков младший* и др.

По мнению Ш. Ю. Кужугет, Н. Д. Сувандии, Ш. В. Дамбаа, Ч. К. Ламажаа, «родовые связи и родовые отношения остались важными для тувинцев на протяжении всего XX века, несмотря на социально-трансформационные процессы и изменения в культурной жизни [7, с. 150]. В общей теории Г. Л. Пермякова выше названные замкнутые предложения-паремии, организованные по модели двусоставного или сложного предложений, имеют грамматическую завершенность, существуют в пря-

мой и образной мотивировке, отображают географические условия с его ландшафтами, этнографические реалии, климат, животный и растительный мир [13].

Термин родства *төрел* зафиксирован как термин обобщенного характера, не входит в номенклатуру терминов родства, заимствован из монгольского языка [7, с. 151].

В русском фольклоре лексема *семья* употребляется в значении ‘жена’, др.-русск. – ‘челядь, домочадцы, семья; муж, жена’, русск.-цслав. – ‘persona’, ‘невольник, домочадец’ (XII в.); лексема *родня* древнерусского происхождения со значением ‘отец и мать’ [18, т. 3, с. 492, 600].

Паремии с компонентом *төрел* имеют логическое сходство, смысловое соответствие, общий характер передаваемых отношений между реальными понятиями с русскими пословицами открытой формы, но отличаются компонентами, напр.: *Каков род, такой и приплод; До своего роду хочь через воду; Не бесчестить было роду-племени, на себя покору не класть; Какого семя, такого и племя; Всякий дом хозяином славится; Дом бабой живется, <a чум – инкой>; Дом без детей – могила, дом с детьми – базар*, что связано с многовековыми контактами. У каждой тувинской пословицы свой набор бинарных компонентов, связанный с местными реалиями (*тайга, конь, зверь*) и дающий картинку-фрейм об особенностях быта тувинцев, проживающих в природной зоне тайги, род деятельности которых связан с ресурсами леса, коневодством, охотой и т.д. Оседлый образ жизни, наличие полноценного дома, преемственность в кровном родстве – тематика, объединяющая пословицы данного блока и многомерно описывающая модели житейской ситуации, диктуемые возможностями мышления целого тувинского этноса.

2. *Муж/жена* как продолжатели тувинского рода: *Бай мен дээш бардамнава, ядыы мен дээш, муңгарава – Не гордись, что богат, не унывай, что беден; Чокта чолдайба, барда мажайба – В недостатке не гнись, а в достатке не кичись; Ушкарганнай аалынга чедир ушкарар – Повез – так до конца довези; Паиш тиккенде, от салыр, бала көдургенде, тараа соктаар – Поставил чашу – огонь разводи, взялся за ступку – зерно-тараа толки; Чатка берген кыс барган черинге, октаан даиш душкен черинге – Выданная замуж девушка должна жить там, куда ее выдали, брошенный камень должен лежать там, куда упал; Эшти кижидөр бажынга олуруп, төре херээ кылыр эвес – Женщина не садится на почетное место и не решает государственные дела; Эшти кижидөр киришпес, өшкү эжди суузунге киришпес – Как козье мясо на угощение не идет, так женщина к закону не причастна; Ооңге олутпай болбас, өөрүнге өжээти болбас – В юрте не сиди сложа руки, на людях не заводи ссоры.*

В русской и тувинской семьях на мужа была возложена ответственность за продолжение имени и рода, он обладал авторитарной властью, мог порицать женщину рода, но сохранять ее права и свободу. Тувинская жена выполняла тяжелую физическую работу: уход за скотом, выделка кож, шкур и войлока, изготовление войлочных ковриков, пошив одежды и обуви, приготовление пищи и т.д., что свидетельствует о доминировании хозяйственных интересов, семейно-родственной общины над интересами рода: *Элбек дужут дээр болза, электен-не элеңневе – Хочешь получить богатый урожай – заранее не празднуй.*

Динамика отношений между мужем и женой менялась чаще в лучшую сторону, особенно после рождения сыновей – жена становилась главной советчицей мужа, полной распорядительницей имущества и членом мужского рода. В тувинских народных сказках женщина наделена умом, мудростью, находчивостью, смекалкой, наделена физической силой и способна вступить в поединок. В сказке «Мудрая девушка» *Чечен-кыс* добра и мудра, в «Оксюс-оол и Золотая царевна» – Золотая царевна наделена нравственной силой, умением дать правильный совет, быть другом. Подобные черты имеют главные героини русских народных сказок Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Марья Моревна, Марья-краса – долгая коса и др.

Лексема *жена* имеет индоевропейское происхождение, звучит одинаково во многих славянских языках (укр. *жона́, жоноха, жі́нка*, блр. *жанá*, ст.-слав. *жена*, болг. *женá*, сербохорв. *же́на*, словен. *žéna*, чеш., слвц. *žena*, польск. *żona*, в.-луж., н.-луж. *žona*) и буквально означает «рождающая» [19, с. 58, 298; 16].

В русских семьях *жена* имела также ряд обязанностей: как Богу и мужу угодить и дом свой подобию устроить, как блюсти честь рода и семьи, заботиться о семейном очаге, вести хозяйство. Судя по содержанию «Домостроя» жены руководили заготовкой продуктов, приготовлением пищи, организовывали работу всех членов семьи и слуг (уборка, обеспечение водой и дровами, прядение, ткачество, пошив одежды и т. д.) [4].

Анализ русских поговорок с компонентом *жена, женщи́на* позволяет сделать вывод о том, что их «авторами» являлись представители мужского пола, которые создали и утвердили стереотипы социальной роли женщины в обществе и отношения к ней как супруге: она не может главенствовать: *Не петъ курице петухом, не быть бабе мужиком*, она интеллектуально и эмоционально неполноценна *Много на голове, мало в голове, еще меньше в сердце – сегодня называется женщи́на; Собака умней бабы – на хозяина не лает; Добрая жена, что без языка* и др.; *Если подарит кому-то Бог жену хорошую – дороже это камня многоценного. Такой жены и при пуццей выгоде грех лишиться: наладит мужу своему благополучную жизнь* [10, с. 156]. Гармоничность в семье достигается

взаимопониманием и взаимоуважением: *Без мужа, что без головы, без жены, что без ума; Муж венечный – друг вечный; Всякому мужу своя жена милее; Муж есть глава. А жена – подножье; У мужа и жены мысли одни и др.*

3. Ребенок / дите как особенный номинант в семейной структуре: *Кадыг эътке чаи талаар, Каржи чанга чон талаар – Ребенок не любит жесткого мяса, Народ не терпит жестокого нрава; Өөрзурек мал киштеген, Өкпежи уруг ыглаган – Скот без стада мычит, Без присмотра ребенок плачет; Ыт думчуу борбаннатца, Уруг караа кыла – Собачонку накорми, Да ребенка угости; Кышкы чок төл чок, Кырыш чок өг чок – Нет ребенка, который не плачет, Нет юрты, где не шумят и не спорят; Чавааны шаварга – аскаар, Чаиты аттынарга – ыглаар – На жеребенке поскачешь – захромает, Ребенка обидишь – заплачет; Авага кижжи толум дээр, Ажы-толу шолум дээр – Матери дите дорого, Охотнику – черный соболь; Кижжи толунге ынак, Ыт коданынга ынак – Человек любит своих детей, а собака – свой двор; Уялыг куш чаныган, Уруглуг кижжи кээргечел – Птица гнездо бережет, Человек – детей; Торел багы аал чуду, Тол багы ог чуду – С плохой родней – аалу позор, С плохим дитем – юрте позор; Чаи малдыц оюну чараи, Чаи уругнуц чацы чараи – У козленка игры резвы, У ребенка лепет приятен; Чаваа аътты туредин болбас, Чаи кижини коргудун болбас – Жеребенка не седлай, Ребенка не пугай; Чавааны шаварга аскаар, Чаиты аттынарга ыглаар – На жеребенке поскачешь, Ребенка обидешь – заплачет; Хараалдаваан боо дегбес, Карантаваан төл корбес – Ружье не прицелишь – промахнешься, За дитем не присмотришь – глаза выколет; Чассыдарда чаи белен – Ребенок на ласку отзывчив; Чарышта туруш чок, Чаита чаипаа чок – Наездник не знает отдыха, Ребенок не знает лесты, Кускун кара-даа болза Толунге ыная – Хоть черны воронята, А мать их любит и др.*

Мы видим крайнее разнообразие параллелей в структуре пословиц предметно-образных элементов *скот, юрта, собака, жеребенок, птица, наездник, ружье, воронята* и др., подобранных к компонентам *ребенок/ дитя*, которые иллюстрируют особенности быта тувинцев и связаны с их практическим применением. Данные языковые единицы информируют о том, что тувинский ребенок требует особого материнского ласкового присмотра по причине его незащитности, открытости, нежности. Некоторые суеверные обычаи свидетельствуют об особенностях тувинских сакральных форм защиты своих детей, напр. обмазывание лба ребенка сажей перед выходом из дома, пришивание к одежде младенца когтя медведя или орла для защиты от порчи, обычай давать ребенку несколько имен для обмана злых духов и др.

Русские пословицы данного блока сравнивают ребенка с *волчонком, жеребенком, поросенком* из-за активности, подвижности, неосознан-

ности поведения, выполняя дидактическо-назидательную функцию [12]: *Ребенка нажать – не век положить; Секи ребенка поперек доски, а вдоль протянется, тебе достанется; Ребенок, не ударившись, не вырастет; Легко дитя нажать, нелегко вырастить; Ребенок не волчененок, ласки хочет; Ребенок, не ударившись, не вырастет; Ребенок, что жеребенок; Ребенок, что поросенок; Умный ребенок боится грозы, глупый – лозы.*

Смысловое мелиоративное паремиологическое соответствие двух языков иллюстрирует покровительство взрослых малым детям, внимательное отношение. Структурная замкнутость/незамкнутость требует обязательного дидактического толкования и лишний раз свидетельствует о бережном отношении к репродукции рода.

4. *Отец/сын, мать/дочь* как субъекты/объекты гендерных семейных отношений: *Ада кижиг олгун сактыр, Алдын-доос кудуруун сактыр – Отец гордится сыном, А павлин – хвостом; Ада орнун салгаар, Аът орнун кулун салгаар – Место отца наследует сын, Как жеребенок – коня; Ада чокта эш чок дег, Аъды чокта бут чок дег – Без отца, как без друга, Без коня, как без ног; Адазынга кызы чассыг, авазынга анай чассыг – Девочка ласкается к отцу, Козленок – к своей матери; Иелиг кыс шевер, Адалыг оол гомаанныг – С матерью дочь – умелая, С отцом сын – послушный.*

Тувинские пословицы построены на контрасте при наличии или отсутствии противительного союза *a* в структуре бессоюзного предложения, выражают диалогичное стилистическое воплощение в динамическом взаимодействии членов семьи *отца/сына* с подобными тождественными компонентами – номинантами-фаунонимами (*конь, жеребенок, козленок*), реализуя как похожие, так и отличительные ассоциации из жизни домашних животных.

Отец (ада) – основоположник, родоначальник, уважаемый и почтенный человек, глава семьи, отвечает за материальный достаток, за воспитание сына. В русском языке имеет праславянское происхождение в значении 'опекун, воспитатель' [18, т. 3, с. 170]; в тувинском языке *отцом* называют деда, старшего брата, а при употреблении с собственным именем лексема приобретает значение 'покровитель, патрон'.

В русских пословицах *Всегда отец будет веселиться, когда сын родиться; Счастлив отец в сыновьях. А мать в дочерях; Отцу Отечество, сыну сыновство; Не то отец, что вспоил, вскормил, а то отец, что уму-разуму научил; Не тот отец, что породил, а тот, что воспитал* отображены нравственные принципы уклада семьи, которые определяют главную воспитательную роль отца.

Мать, мама (ава) – хранительница очага, воспитывающая дочерей. Возможно, в тувинском языке лексема является производным от формы *аба* 'отец, дядя; дед, предок; мать, старшая сестра' или *апа* 'мать, старшая сестра, тетка', или берет начало из шорского языка *ав* 'быть пре-

старелым'. Этимологию слов *мать, ада, ава* установить затруднительно, поскольку данные лексемы широко распространены во многих языковых семьях.

Дихотомия *отец/сын, мать/дочь* представляет цельную сентенцию, обладающую общей мотивировкой и вескими причинами: рождение сына для отца – это возможность передать свое ремесло, научить мужским видам деятельности и т.д., рождение дочери для матери необходимо для ведения домашнего хозяйства, передачи опыта дочери для создания своей семьи. Аналогичные речевые позиции в тувинском и русском языках гендерного старшинства отца и его влияния на сына (*Каков отец, таков и сын; Каков отец, таков и молодец; Добрый сын – отцу радость, плохой – печали; Сын – отцу помощник* и др.) подтверждают патриархальный уклад жизни народов, качественную оценку отцовской роли в существовании семейства.

Тувинские пословицы более прагматичны, ситуативны, конкретны, однородны в замкнутой форме; русские – образно-метафоричны, негативно окрашены, открыты для трансформаций: *Блудный сын – ранняя могила отцу; Ненаказанный сын – бесчестие отцу; От плохого сына отец седеет; И отец не поможет, когда сын занеможет; Отец за сына не отвечает.*

5. Отец (хозяин)/мать (хозяйка) как устроители социального достоинства семьи: *Инээм өдээ – Ием чурту, Аьдым өдээ – Адам чурту – Лежанка коровы – Родина матери, лежанка коня – Родина отца; Ада сөзү – «амыдырал», Ие сөзү – «ажыл-иш» – Главное слово отца – «жизнь», Матери – «труд»; Ада төөгүзү – алдын, Иетмөгүзү – мөцгун – Наследство отца – золото, наследство матери – серебро; Ада сөзү – дашка баскан таңма ышкаш – Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне; Ада чокта чартык өскүс, ава чокта будун өскүс – Без отца – полусирота, Без матери – круглый сирота; Ада созун ажырын болбас, Ие созун ижиц болбас – Наказ отца запоминай, Слова матери уважай; Тараалыг кижиги тодуг, Адалыг кижиги чоргаар – Человек с хлебом – богат, С отцом – горд; Ада турда, чон таныыр, Аът турд, чер ңөөр – С отцом – знакомится с людьми, С конем – знакомится с округой.*

Символом старшинства отца в тувинской семье являлось ежедневно повторяемое действие: при возвращении в дом (юрту) жена принимала шапку супруга и бережно клала ее высоко, поскольку шапка отца была вещным символом главы семейства. Тувинские дети отца почитали, мать любили и жалели, поскольку она больше уделяла внимания воспитанию своих детей. Отцу первому подавали еду и питье, ему принадлежало главное место в доме, его слово всегда было последним, а его решения не подлежали оспариванию. Женщина-мать обладала рядом характеристик: быть светла и чиста душой и телом, в делах мастерицей, в супружестве

опорой мужу, уважительной к его родне, почтительной к старшим. У тувинцев говорят: *Хорош ли ребенок, узнают по матери, Люди приходят в дом, почитая мужа, а уходят, славя жену.*

В русских ментальности большую роль в представлении о семье отводят жене/хозяйке, при чем оценочная шкала коннотативного компонента чаще выражает негативные эмоции с иронией, насмешкой, неодобрением: *Всякая хозяйка на свой лад; Хорошая хозяйка дорожит золотом; Хороша хозяйка: веник под лавкой, грязь по углам.* Муж/хозяин является носителем черт своего народа, своей среды, национально-культурной статусности: *Хозяин в доме, что медведь в бору: что как хочет, так и ворочит; Расчетливый хозяин найдет место каждому гвоздю; Не хозяин, кто своего хозяйства не знает; Какие хозяева, такие и ворота; Всяк хозяин в своем доме большой; Где хозяин ходит, там хлеб родит* и др.

Сын/дочь как гарант полноценной семьи: *Кыс уруг ине-чускук дээр, Оол уруг оттук-бижсек дээр – Дочь просит иголку с наперстком, Сын – нож с огнивом; Аскырлыг аалдын уруглары сонуургак болур, Бугалыг аалдын уруглары кортук болур – Дочки аала, где есть жеребец – любопытны, Дочки аала, где есть бык – трусливы; Даи кагган черинге чыдар, Кыс берген черинге олурар – Где камень бросил, там и лежит, Где дочь отдал, там и живет.*

Термин *оол* употребляется в значении 'сын, мальчик, парнишка, детеныш', общетюркского происхождения, имеет варианты *огул, огыл, огал, уул, ул*. По мнению Севортяна, форма *огул* совпадает с лексемой *сын* с др.-инд. в значении 'рождает, производит'. Термин *кыс* – общетюркского происхождения, имеет значение 'девушка, девица, молодая женщина, дочь'. Лексема *дочь (дочка, доня)*, по мнению этимологов, имеет др.-инд. происхождение в значении 'доильщица' [Там же, с. 533].

Менталитет тувинского воспитания связан с послушанием детей и выполнением предписаний старших, что достигается большой любовью и заботой со стороны матери и отца.

В традициях двух народов при рождении пол и очередность ребенка имел большое значение (*сын, дочь, поскребыш, наследничек*). Рождение сына воплощало положительное начало, хранителя имени и прав, хозяина нажитого имущества, рождение дочери – продолжение рода, расширение родственных отношений и др. В паремии *Оолдуг кижии оя сөглээр, Кыстыг кижии кыя сөглээр – Имеющий сыновей прямо говорит, Имеющий дочерей – намеками* представлена возможность выбора отца невесты, умение определить лучшего мужа из другого аала, сумона, кожууна, поэтому он «мог хитрить, выбирая более достойного зятя».

Симпатии тувинских родителей всегда были на стороне младших детей, внебрачных не отличали от законнорожденных, к трем-пяти годам заканчивался опасный переходной период становления и начинался от-

счет человеческого бытия. С этих пор отец и мать наказаниями, убеждениями, советами, собственным примером воспитывали детей. В пословице *өөрзек мал киштеген, өкпежи уруг ыглаган – Скот без стада мычит, капризный ребенок плачет* дается совет-рекомендация о том, что ребенка правильнее воспитывать в многодетной семье, соборным духом семейства, хозяйственной общностью, заботой друг о друге, поэтому *Халышкылар ынаа хая-даштан артык – Любовь братьев крепче скалы; Дуңмалыг кижги дыш, угбалыг кижги ус – С младшим братом отдых будет, со старшей сестрой – умелым будет* и др.

Русские пословицы *Сын да дочь – день и ночь; сын да дочь – домашние гости; Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц; Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет; Сын да дочь – красны детки; Сын да дочь, да и тех кормишь невмочь* кодируют (солнце, месяц, красны детки) важную информацию с ориентирами социально-ролевых отношений детей в будущем.

6. Зять/невестка как номинанты первой степени родства: *Кыштаг турда, мал белен, Кыстыг турда, кудээ белен – Был бы зимник – скот найдется, Была бы дочь – зять сыщется; Хун херелдиг, Кудээ дузалыг – Солнце тепло дает, зять – подмогу; Хурең- дайның маңын көөр, Кудээзиниң кужуи кеөөр – У лошади надо ход узнать, У зятя надо характер проверить; Чеңнээш чокта, хол соок, Чеңге чокта, чем соок – Без рукавиц руки холодные, Без невестки – еда холодная.*

Для интерпретации дуального восприятия мира тувинцами паремии иллюстрируют дихотомичность познавательной деятельности и представления о терминах первого родства – зятя и невестки.

Кудээ (муж дочерей, младших сестер и других родственниц), *честе* (муж старшей сестры) представлены в тюркских языках в двух формах, первая из которых берет свое начало, возможно, с дефиницией *молодой муж, жених*, однако этимологии не совсем ясна. Термин *зять* имеет древнее происхождение, возможно, по мнению А. Преображенского, имеет дефиницию 'быть рожденным, рождать' [14, с. 260].

Келин (жена старшего брата или младшего брата), *чеңге, чаава* (жена старшего брата) употребляется в двух формах, слова имеют общетюркское происхождение от глагольной основы *кел-* 'приходить'. Термин *невестка* – от лексемы *новая*, выполняла береговую функцию от злых духов молодой женщины, входящей в чужой для нее дом, дом ее жениха [18, т. 3, с. 54].

Ироничность, осторожность, наблюдательность со стороны родителей при выборе будущей судьбы сына или дочери скрывают серьезный подход к принятию важного решения: умение будущего члена семьи выполнять хозяйственные обязанности, иметь положительные нравственные качества и т.д. Ведь для семейной общины очень важны трудолюбие

и заботливость: *Экинин чуртунга ыяш чыдар, Бактын чуртунга баг чыдар – От хорошего хозяина у юрты дрова остаются, От плохого – обрывки аркана валяются.*

По мнению Г.Н. Курбатского, тувинские пословицы и поговорки имеют «информативный материал... подают в дидактической, декларативной, запелляционной форме, как неизбежную, закономерную данность, в виде морально-нравственных суждений-оценок» [8].

Русские пословицы *Прими зятя в дом, а сам убирайся вон; Гляди за зятя ради своего дитяти; Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковородку; Зять с тещей говорит до вечера, а слушать нечего; Невестка на отместку; Невестка чужа кистка; Рано невестка встала, да мало напярла* отражают негативную сторону взаимоотношений родителей мужа/жены, находящихся в одном жилище. По традиции, в русской семье молодожены проходят испытательный срок, проживая с родителями мужа, и лишь тогда имеют право на постройку собственного дома. Пословицы иллюстрируют фрейм-сценарий социально-бытового уровня, открывающий сложный семейный механизм в русской семье.

7. Брат/ сестра как номинанты полнокровного родства: *Угбалыг кижис ус (шевер) – Кто имеет сестер, будет искусным; Дунмалыг кижис дыш, Угбалыг кижис ус – У младшей сестры понежишься, У старшей сестры научишься; Дуңмалыг кижис дыш, углабыг кижис ус – С младшим братом – отдых будет, Со старшей сестрой – умелой будет.*

Термины родства *акый* (старший брат), *дуңмай* (младший брат) употребляются как вежливая форма-обращение к старшему мужчине и, возможно, заимствованы от *ак* – в значении *стареть* или от глагольной формы *ак-* в значении *опережать, быть несколько впереди*. Термин *брат* имеет др.-инд. происхождение, одинаково звучит во многих языковых семьях [18, т. 1, с. 208].

В тувинской традиции различие в терминах родства отражается с рождения сестер и началом сестринской линии: *угба* – старшая, *дуңма* – младшая, *келин* – жена младшего брата, *чеңге, чаава* – жена старшего брата и др. Термин *сестра* имеет древнее происхождение, звучит во многих славянских и романо-германских языках одинаково в значении 'женщина' [Там же, с. 612].

Данные тувинского языка показывают многочисленность, асимметричность в родстве по мужской и женской линии, о престижности и полезности старших как членов семьи, которые регулируют жизнедеятельность и порядок в доме.

Русские паремии *Куда брат, туда и сестра; Брат сестре не указ в стряпне; Богата сестра – дак и брату сестра; Сестра при брате не вотчинница* иллюстрируют различные гендерные оппозиции, ролевая пара брат/сестра отражает оппозицию: сестра имеет меньше шансов получить родительское наследство в таком объеме, как брат.

8. Старый/молодой как медиатор преемственности поколений в семействе: *Улугну хунду лээр, Уругну азыраар – Старого уважай, Малого воспитай; Кырырынын мурнунда, аныяк чорааш, эртемгс өөрөн – Учись, пока молодой, а то старость быстро придет; Аътты баглан өоредир, Аныяан – Коня приучают к привязи, Молодежь учат советами.*

Пословицы симметричны, эволюция структуры семьи сопровождается количественными и качественными изменениями, представители старшего поколения уважаемы, опытные, однако возрастное превосходство молодых обозначает их активную жизненную позицию.

Русские паремии *Лучше старик семерых молодых; Молодые бранятся – тешатся, старые бранятся – бесятся; Как пели старики, так щебечут и молодые; Молодые растут, старики старятся; Старики вымерли – нас не дожидаясь, молодые родились – нас не спросились; Старики хилеют, молодые пореют* иллюстрируют как позитивно-, так и негативно-экспрессивны, что связано с иллюстрацией конфликта между поколениями и традицией почитания мудрости старших в семействе. В русском языке *старик, старец* приобретают сакральную форму: *Старцу пакости не твори; Над стариком не глумись; Старику учить, что мертвого лечить* и др.

Точный эмоциональный колорит пословиц двух языков формулируется в семантической структуре самой единицы. Компрессия определенной информации сложилась на основе взаимодействия человека с окружающей средой.

9. Мать/жена как хранительница домашнего очага: *Сен дизе – уруу, Чемелезе – кадайы – Только дочь ругает, Да жену укоряет; Булут аразындан хун караа чылыг, Улус аразындан не караа чымчак – Среди облаков глаз солнца светлый, Среди людей взгляд матери теплый; Авага ажытөлү артык, Аңчыга алды-киш артык – Матери дите дорого, Охотнику – черный соболь; Ава кижжи төлүм дээр, Ажы-төлү шолум дээр – Думы матери о детях, Мысли детей – в степи.*

Характеристика/дихотомия *мать/жена*, представленная в тувинских пословицах, требует отдельного блока, поскольку рождение детей как в браке, так и до него, нацелено на сохранение домашнего очага, на рождение и воспитание наследников, на выполнение хозяйственных работ и др., содержит ценный материал по народной педагогике: *Птенец оперится – всюду полетает, ребенок вырастет – всюду побывает.* Внутренняя форма пословиц требует правильного лингвокультурологического анализа и точного понимания.

Паремии *По матери и дочь; Какова мать, таковы и дочери; Мать дочку хвалила, пока с рук не свалила; Хороша дочка. Коли мать хвалит; Одна дочка у матери – причница; Дочку сватать, за матушкой волочиться* иллюстрируют обобщенно-метафорический смысл, который содержит информацию-эквивалент о тесных взаимоотношениях матери и дочери.

Система родства, представленная в паремиологическом фонде русского и тувинского языков, является лингвокультурологическим феноменом, общечеловеческой универсалией, из которой можно извлекать эмпирические факты и их взаимосвязь с культурой народа. Она отражает специфику образа мышления, менталитета и традиций русского и тувинского народов. Все формы родственных отношений тесно взаимосвязаны в языковом сознании и русских, и тувинцев, а центральное место в нем занимают номинанты супружеского и кровного родства, которое берет свое начало от мужа и жены. Все термины в составе пословиц отражают важные нравственные ценности: в обеих лингвокультурах присутствует уважительное отношение к своему роду, отцу, матери, детям, братьям, сестрам и т.д., к тем родственникам, которые могут хранить верность, любовь, дать мудрый совет, совершить ответственный шаг или тем, кто требует дополнительного внимания и заботы. Представители первой линии кровного родства расцениваются амбивалентно, т.е. могут вызывать противоположные чувства в зависимости от жизненных ситуаций.

Термины родства позволяют установить иерархию брачно-семейных отношений, увидеть похожие (патриархальность, забота о детях, преемственность поколений и т.д.) и различные этнические особенности тувинских и русских семей.

Тувинские термины кровного и супружеского родства можно разделить на две категории: основные и производные. Система кровного родства включает такие термины: *мать, отец, дочь, сын, брат, сестра, внук, внучка*. Система супружеского родства включает следующие термины: *жених, невеста, муж, жена, невестка, зять* и др. Некоторые из основных кровных или супружеских терминов родства русского языка используют одинаковые лексемы *брат, сестра, дядя, дедушка*, тувинский дифференцирует *акый, дуңма, угба, дуңмай, честе, чуржу* и др. Русские термины не различают внуков и внучек по линии дочери или сына, родных братьев и сестер отца или матери, в тувинском языке важно различать родственников по женской и мужской линии *оглунун оглу, уруунун оглу, оглунун уруу, уруунун уруу, аказы, даайы, кунчуу, чуржузу* и др. Термин *кыс* обобщает и называет дочь, девушку, молодую женщину в целом, *ача* – употребляется как отец и папа, *ашак* – называет мужа и пожилого мужчину, что многие исследователи связывают с семейной клановостью.

Дифференцирующие отношения родственников, обусловленные социокультурными установками, позволяют предположить многозначительность, важность отношений в языковых традициях двух народов. Лексикографические источники сохранили терминологию родства без изменений, что подтверждает связь народной ментальности и сакрального языкового образа. В теме родства отображены биологические особенности, социальная структура, определяющие формирование терминологи-

ческую систему репродуктивной функции рода. Соотношение информативного, оценочного, дидактического компонентов в структуре паремий преобладает, что дает право определять такие языковые единицы как языковую универсалию и сакрально-дидактическое поучение для потомков.

Список литературы

1. Бурькин А. А. Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования) // Алгебра родства. Санкт-Петербург, 1998. Вып. 2. С. 76–88.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Прогресс, Универс, 1994.
3. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Добровольская ; Томский гос. ун-т. Томск, 2005. 24 с.
4. Домострой / пер. с древнерусского В. В. Колесова. Москва : АСТ, 2016. 288 с.
5. Казаченко Б. Н. Русское родство: прошлое и настоящее. Москва : Флинта, 2014. 304 с.
6. Каноны или Книга правил, святых Апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. Москва : Сибирская благовонница, 2011. 432 с.
7. Кужугет Ш. Ю., Сувандии Н. Д., Дамбаа Ш. В., Ламажаа Ч. К. Концепт төрөл 'родственник' в языковой картине мира тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 149–157. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/871> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 2001. 187 с.
9. Левин Ю. Алгебра родства // Наука и жизнь. 1980. № 12. С. 92–95.
10. Марфина Ж. В., Шкуран О. В. Представление о жене в русской и украинской культуре // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 151–164.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Москва : ОЛМА Медиа групп, 2010. 1023 с.
12. Монгуш Д. А. Русско-тувинский учебный словарь. Москва : Русский язык, 1988. 60 с.
13. Пермяков Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений. Москва : Наука, 1988. 237 с.
14. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 3 т. Москва, 1910–1914.
15. Савенкова Л. Б. Русские паремии как функционирующая система : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. Б. Савенкова ; Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 2002. 240 с.
16. Славянские древности: Этнологический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995. Т. 1. А–Г. 575 с.; 1999. Т. 2. Д–Крошки. 697 с.
17. Тыва Үлегер домактар болгаш чечен сестер. Тувинские пословицы и поговорки. Кызыл, 1966. 101 с.

18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Москва : Прогресс, 1964–1986.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. Москва : Русский язык. 1 т. 624 с.

THE THEME OF KINSHIP IN RUSSIAN AND TUVAN PAREMIAS AS A REFLECTION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES

Zh. V. Marfina, O. V. Shkuran

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk

The paremiological fund of any language reflects the system of values of the people. Russian and Tuvan paremia national and cultural features are compared with the components naming family members taken into account; the nominees of kinship as the custodian of sacred cultural information in the Russian and Tuvan languages are analyzed in a synchronous layers of the languages. The identity of views on the hierarchy of the kinship system is revealed, and the presence of non-equivalent paremias illustrates the ethnospecific features of the Tuvian and Russian family traditions.

Keywords: *cultural linguistics; paremia; linguistic image; consanguinity and marital kinship; Tuvan language; Tuvan folklore; Russian language.*

Об авторах:

МАРФИНА Жанна Викторовна – ректор Луганского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий (Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2), e-mail: rektor@lgpu.org.

ШКУРАН Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2), e-mail: oksana.shkuran@mail.ru.

About the authors:

MARFINA Zhanna Viktorovna – Rector of Luhansk State Pedagogical University, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies (Lugansk People's Republic, Lugansk, 2, Oboronnoya Street), e-mail: rektor@lgpu.org.

SHKURAN Oksana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies of Lugansk State Pedagogical University (Lugansk People's Republic, Lugansk, 2, Oboronnoya Street), e-mail: oksana.shkuran@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2022 г.

Дата подписания в печать: 02.09.2022 г.